

SWETLANA MENGEL (HG.)

SLAVISCHE WORTBILDUNG IM VERGLEICH

SLAVICA VARIA HALENSIA

HERAUSGEGEBEN VON
ANGELA RICHTER UND SWETLANA MENGEL

MARTIN-LUTHER-UNIVERSITÄT HALLE-WITTENBERG

SVH = BAND 12

LIT

SWETLANA MENGEL (HG.)

SLAVISCHE WORTBILDUNG
IM VERGLEICH

THEORETISCHE UND PRAGMATISCHE ASPEKTE

LIT

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek

Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

ISBN 978-3-643-12750-1

© LIT VERLAG Dr. W. Hopf Berlin 2014

Verlagskontakt:

Fresnostr. 2 D-48159 Münster

Tel. +49 (0) 2 51-62 03 20 Fax +49 (0) 2 51-23 19 72

E-Mail: lit@lit-verlag.de <http://www.lit-verlag.de>

Auslieferung:

Deutschland: LIT Verlag Fresnostr. 2, D-48159 Münster

Tel. +49 (0) 2 51-620 32 22, Fax +49 (0) 2 51-922 60 99, E-Mail: vertrieb@lit-verlag.de

Österreich: Medienlogistik Pichler-ÖBZ, E-Mail: mlo@medien-logistik.at

E-Books sind erhältlich unter www.litwebshop.de

Inhaltsverzeichnis

Einführung

Swetlana Mengel 13

**I. Slavische Wortbildung im Lichte
verschiedener linguistischer Theorien** 17

Семантика и прагматика лексических единиц

в зеркале деривационных процессов

(Semantics and pragmatics of a word as mirrored by
derivational processes)

Зинаида Харитончик (Zinaida Kharitonchik) 17

За мястото и приложението на подходите

от значение към форма и от форма към значение

в славянските словообразователни изследвания

(About the place and application of the approaches from
the meaning to the form and from the form to the
meaning in the Slavic word-formation studies)

Юлия Балтова (Julija Baltova) 34

Підходи до вивчення семантики похідного слова:

українська дериватологічна школа в порівнянні

з іншими слов'янськими

(Approaches to study semantics of a loan-word:
comparison of the methods in Ukrainian
and other Slavic derivatologies)

Лариса Кислюк (Larysa Kysljuk) 47

Различити теоријски приступи префиксацији

у словенској творби речи

(Unterschiedliche theoretische Ansätze zur Beschreibung
der Präfigierung in der slavischen Wortbildung)

Рајна Драгићевић (Rajna Dragičević) 60

Национальные форманты-уникаты (Nationale Formanten-Unikate)	
Branko Tošović	73
Wortbildungsnester und konzeptuelle Frames (Словообразовательные гнезда и концептуальные фреймы)	
Alicja Nagórko	91
Besonderheiten der slavischen Wortbildung unter sprachhistorischen Aspekten (Особенности славянского словообразования в диахронно-историческом аспекте)	
Swetlana Mengel	104
Aspekty teoretyczne i pragmatyczne współczesnej słowiańskiej terminologii słowotwórczej (Theoretical and pragmatic aspects of building Slavic terminology in word formation)	
Zofia Rudnik-Karwatowa	129
Амбисемия в словообразовании (Ambisemie in der Wortbildung)	
Aleksander Kiklewicz	143
Словообразование как интерфейсный феномен (Word-formation as an interface phenomenon)	
Elizaveta Kotorova	163
II. Slavische Wortbildung in kontrastiver und komparativer Betrachtung	179
Perspektywy badań konfrontacyjnych słowotwórstwa (Perspektiven der kontrastiven Forschung im Bereich der Wortbildung)	
Krystyna Waszakowa	179

Агульныя праблемы супастаўляльнага вывучэння словаўтварэння славянскіх моў (Common problems comparative study of Slavic languages)	
Аляксандр Лукашанец (Aliaksandr Lukashanets)	201
Типологические универсалии славянского словообразования (Typologische Universalien der slavischen Wortbildung)	
Геннадий Николаев, Наталия Николаева (Gennadij Nikolaev, Natalija Nikolaeva)	218
Общеславянский фонд интернациональных словообразовательных морфем: теоретические и прагматические аспекты исследования (The Slavonic fund of international affixes: theoretical and pragmatic aspects of the study)	
Elena Koriakowcewa	234
Внутренняя динамика словообразовательных систем в близкородственных (славянских) языках: центробежное – центростремительное движение (Interne Dynamik der Derivationssysteme in slavischen Sprachen: Zentrifugale und zentripetale Tendenzen)	
Галина Нешименко (Galina Neščimenko)	251
Засади словотвірної категоризації лексики у міжслов'янських паралелях (Die Grundlagen der Wortbildungskategorisierung des Wortschatzes in interslavischen Parallelen)	
Євгенія Карпіловська (Jevgenija Karpilovs'ka)	272
Деривационный потенциал имен прилагательных: общность и многообразие (The derivational potential of adjectives: unity and variety)	
Василка Радева (Vasilka Radeva)	292

Безсуфиксни имена на жители (nomina habitatorum) в славянските езици (Suffixless inhabitants nouns [nomina habitatorum] in the Slavic languages)	
Цветанка Аврамова (Tsvetanka Avramova)	305
Принципы контрастивных исследований социолектной деривации (Principles of contrastive research in sociolect derivation)	
Елена Лукашанец (Elena Lukashanets)	321
Взаємозв'язки різнорівневих похідних одиниць мови як критерій їх зіставлення (на матеріалі східнослов'янських і новогрецької мов) (Verbindungen zwischen motivierten Spracheinheiten unterschiedlicher Sprachebenen als Komparationskriterium [am Beispiel der ostslavischen Sprachen und des Neugriechischen])	
Ніна Клименко (Nina Klymenko)	338
Словообразовательная мотивация русской лексики: соотношение между синхронией и диахронией, формально-семантические параллели с западноевропейскими языками (Motivational schemes in Russian lexical derivation between synchrony and diachrony, formal and semantics parallels with Western European languages)	
Serguei Sakhno	353
Греческо-славянские словообразовательные эквиваленты в переводах XIV века (Griechisch-slavische Wortbildungsäquivalente in den Übersetzungen des 14. Jahrhunderts)	
Лора Тасева (Lora Taseva)	370

Hypokoristika- und Honorifikativa-Bildungen in slavischen Übersetzungen des Berlaimont- Gesprächsbuchs (17. Jh.) (Уменьшительно-ласкательные и гоноративные [уважительно-почтительные] образования в славянских переводах «Бесед» Берлемона [XVII в.] Helmut Keipert	396
III. Slavische Wortbildung im Fokus von Einzelsprachen	417
Образование новых слов в русском языке: теоретические аспекты и когнитивно-дискурсивный анализ (Formation of new words in the Russian language: theoretical aspects and discourse analysis) Елена Петрухина (Elena Petrukhina)	417
Зборообразувањето како дел од македонската наука за јазикот од теоретски и прагматички аспект (Word formation as part of Macedonian science of language from theoretical and pragmatic aspects) Lidija Arizankovska	435
О комбинованој творби речи на фону других блиских назива (Zur kombinierten Wortbildung auf dem Hintergrund anderer nahe stehender Benennungsverfahren) Божо Ћорић (Božo Ćorić)	446
Hrvatsko rječoslovlje – između tradicije i novih potreba (Kroatische Wortbildung zwischen Tradition und neueren Tendenzen) Barbara Štebih Golub	462

<p>Tvorbena obilježja nomina agentis et professionis u savremenom bosanskom jeziku (Formative features of feminine nomina professionis in modern Bosnian language) Amela Šehović</p>	478
<p>Obrazilna konkurenčnost samostalniških istokorenskih sufikslnih sopomenk v novejši slovenski leksiki (Competitive suffixes in nominal same-root synonyms in recent Slovene lexis) Irena Stramljič Breznik</p>	494
<p>K současnému tvoření složených názvů osob v češtině (Contemporary Formation of Compound Personal Names in Czech) Ivana Bozděchová</p>	506
<p>Прагматические аспекты современного русского словообразования (Pragmatic aspects of the modern Russian word-building) Лариса Рацибурская (Larisa Raciburskaja)</p>	527
<p>Роль словообразования при маркировании социальной дистанции в обращении (Die Rolle der Wortbildungselemente bei Markierung sozialer Distanz im Anredeverhalten) Sergej Afonin</p>	540
<p>Powstawanie i zmiany funkcji polskiego przysłówka (Creation and functional changes of Polish adverbs) Krystyna Kleszczowa</p>	547

IV. Slavische Wortbildung im interdisziplinären Kontext	559
Lexika in der Wortbildung und Wortbildung in Lexika (Словари в словообразовании и словообразование в словарях)	
Renate Belentschikow	559
Деривационное гнездо как объект и модель в теории словообразования и практике лексикографирования (A derivational nest as an object and a model in the theory of word-formation)	
Алексей Никитевич (Aleksej Nikitevič)	576
Десять постулатов о принадлежности славянской аспектологии словообразованию и следствиях из этого для грамматики и лексикографии (Ten theses about Slavonic aspectology as a part of word-formation and consequences of that for grammar and lexicography)	
Игорь Милославский (Igor Miloslavskij)	590
Noch immer Wortbildung oder doch besser wieder Morphologie? (Все еще словообразование или все-таки лучше опять морфология?)	
Jochen Raecke	607
Die slavische Nominalphrase zwischen Wortbildung und Syntax (Славянские составные наименования между словообразованием и синтаксисом)	
Robert Hammel	622
Возможности словообразования в сфере выражения логических категорий (Potenzen der Wortbildung im Bereich logischer Kategorien)	
Ольга Ермакова (Olga Ermakova)	640

Словообразване и етимология (Word-formation and etymology)	
Ludwig Selimski	652
Трансформационна поезика (Transformationspoetik)	
Sergej Birjukov	665
Zu den Autorinnen und Autoren	675

Einführung

Das vorliegende Buch ist ein Gemeinschaftswerk mehrerer Autorinnen und Autoren, das in langjähriger Zusammenarbeit im Rahmen der Internationalen Kommission für slavische Wortbildung beim Internationalen Slavistenkomitee entstanden ist.

Das Hauptanliegen und die zentrale Idee des Projekts *Slavische Wortbildung im Vergleich. Theoretische und pragmatische Aspekte* ist das Bestreben, die Spezifika der Wortbildung in den slavischen Sprachen, die sich in dieser Hinsicht von den anderen indogermanischen Sprachen unterscheiden, in der (sprach)wissenschaftlichen Öffentlichkeit zu erörtern und sie ihr nahe zu bringen. Der beabsichtigte Vergleich beinhaltet sowohl die kontrastive und komparative Betrachtung konkreter sprachlicher Erscheinungen in slavischen und nichtslavischen sowie innerhalb der slavischen Sprachen, als auch den Vergleich zum Teil unterschiedlicher theoretischer Ansätze und Herangehensweisen bei der Beschreibung der Wortbildungssysteme in slavischen und nichtslavischen Sprachen und der Stellung der Wortbildung im Sprachsystem. Es wird ein Versuch unternommen, die besagten Wortbildungsspezifika im Slavischen exemplarisch aus diachroner und synchroner Sicht zu beleuchten und ihre besondere Rolle auf der pragmatischen Ebene zu verdeutlichen.

Das zugrunde gelegte Konzept wird in vier thematisch spezialisierten Kapiteln realisiert: I. Slavische Wortbildung im Lichte verschiedener linguistischer Theorien, II. Slavische Wortbildung in kontrastiver und komparativer Betrachtung, III. Slavische Wortbildung im Fokus von Einzelsprachen, IV. Slavische Wortbildung im interdisziplinären Kontext. Dabei wird bei der Beschreibung von Wortbildungsphänomenen im Slavischen im I. Kapitel der Schwerpunkt auf unterschiedliche theoretische Analysemethoden und theoriebildende Ansätze gelegt. Im II. und III. Kapitel treten konkrete sprachliche Besonderheiten in den Vordergrund, die mittels sprachvergleichender und innersprachlicher Analysen vorgestellt werden. Das abschließende IV. Kapitel zeigt die Problematik der Stellung der Wortbildung im Sprachsystem auf, die nicht nur bei den Beschreibungen slavischer und nichtslavischer Sprachen keinen Konsensus findet, sondern auch innerhalb der linguistischen Teildisziplinen der Slavistik als umstritten gilt.

Die Inhalte der vier Kapitel sowie ihrer einzelnen Beiträge sind durch Querverbindungen vielfach miteinander verknüpft. So verweist beispielsweise die konkrete Thematik der einzelnen Beiträge im IV. Kapitel, die bestimmte Phänomene der slavischen Wortbildung in der Lexik

(Belentschikow, Nikitevič), Morphologie (Raecke) oder Syntax (Hammel) verorten, bzw. sie mit der Ethymologie (Selimski), der pragmatischen Poetik (Burjukov) sowie der Logik (Ermakova) verbinden, auf den im abschließenden Beitrag des I. Kapitels geäußerten allgemeinen theoretischen Gedanken über die Wortbildung als ein *interface phenomenon* (Kotorova). Parallel findet im IV. Kapitel eine kontroverse Diskussion über die Zugehörigkeit bestimmter sprachlicher Erscheinungen zur Wortbildung oder zur Morphologie in den Beiträgen von I. Miloslavskij und Jo. Raecke statt. Die zentrale Stellung der Derivation in der slavischen Wortbildung wird aus synchroner (Kharitonchik) und diachroner (Mengel) Sicht im I. Kapitel beleuchtet und in mehreren Beiträgen des II. Kapitels auf der Grundlage des konkreten sprachlichen Materials (Karpilovs'ka, Klymenko, Sakhno) sprachvergleichend verifiziert. Unter diesem Gesichtspunkt wird die spezielle Rolle der Wortbildungsaffixe im Slavischen vorgestellt, u.a. aus der allgemein-theoretischen (Dragičević, Tošović – I. Kapitel), universal-slavischen (Nikolaev / Nikolaeva, Koriakowcewa, Neščimenko, Avramova – II. Kapitel) und (kontrastiv-)pragmatischen Sicht im diachronen (Taseva, Keipert – II. Kapitel) sowie synchronen (Radeva – II. Kapitel; Raciburskaja, Afonin – III. Kapitel) Aspekt. Die unterschiedlichen Herangehensweisen an die Analyse der abgeleiteten bzw. motivierten Wörter werden sowohl im allgemeinen Rahmen des reziproken Verhältnisses zwischen Form und Bedeutung (Baltova, Kiklewicz), als auch aus der Sicht der einzelnen derivatologischen Schulen (Kysljuk) im I. Kapitel sowie anhand der Beschreibung einzelner Phänomene, wie z.B. des Wortbildungsnetzes (Nagórko, Nikitevič, Petrukhina), in den Kapiteln I., IV. und III. vorgestellt. Dieses Präsentationsmuster wird auch bei der Darlegung der Problematik des innerslavischen Sprachvergleiches in der Wortbildung beibehalten: Diese wird sowohl aus der Sicht unterschiedlicher allgemein-theoretischer Ansätze (Waszakowa, A. Lukashanets – II. Kapitel), als auch anhand konkreter Sprachvarietäten – der (Wortbildungs)Terminologie (Rudnik-Karwatowa – I. Kapitel) bzw. der Soziolekte (E. Lukashanets – II. Kapitel) – beleuchtet. Die Beiträge im III. Kapitel, die sprachhistorischen (Kleszczowa) und gegenwärtigen Wortbildungsprozessen in einzelnen slavischen Sprachen gewidmet sind, zeichnet teilweise eine Verknüpfung durch einen konkreten gemeinsamen Untersuchungsgegenstand aus, z.B. die Bildung von Personenbezeichnungen (Šehović, Bozděchová, vgl. Avramova im II. Kapitel). Die meisten Beiträge dieses Kapitels beschäftigen sich jedoch gleichzeitig mit der Rolle der Wortbildung in den aktuellen Prozessen der Herausbildung neuerer slavischer Standardsprachen: Spezifische Wortbildungserscheinungen werden dabei aus der theoretischen und pragmatischen Perspektive

der Normbildung im Mazedonischen (Arizankovska), Serbischen (Ćorić), Kroatischen (Štebih Golub), Bosnischen (Šehović) und Slowenischen (Stramljič Breznik) betrachtet.

Die Entscheidung, Teile des Buches im Sinne der slavistischen Tradition in slavischen Sprachen – darunter in mehreren jüngeren slavischen Standardsprachen – zu verfassen, widerspricht aus unserer Sicht nicht dem Hauptanliegen des Projekts. Eine kurze Zusammenfassung in deutscher oder englischer Sprache, die jedem solcher Beiträge vorangestellt wird, erlaubt dem Leser, die Gesamtproblematik zu erfassen. Bei besonderem Interesse besteht die Möglichkeit des persönlichen Kontakts zu den Autoren: Ihre Kontaktadressen befinden sich am Ende des Buches.

Die Gestaltung der Druckvorlage besorgten Tatjana Chelbaeva, Anna Jouravel und Jurij Trofimov, wofür ihnen an dieser Stelle ganz herzlich gedankt sei. Ich danke auch allen Autorinnen und Autoren, die die Korrektur ihrer eigenen Beiträge in der für den Druck formatierten Endfassung noch ein Mal gelesen haben. Mein aufrichtiger Dank gilt ebenfalls der Deutschen Forschungsgemeinschaft: Ihre finanzielle Unterstützung hat die 15. Internationale Konferenz der Kommission für slavische Wortbildung vom 11. bis 15. Mai 2014 in Lutherstadt Wittenberg ermöglicht, die u.a. der letzten Besprechung der Inhalte des vorliegenden Buches diente.

Swetlana Mengel

Halle a.d. Saale, im Dezember 2014

Амбисемия в словообразовании

Александр Киклевич

Das Thema des Beitrags widmet sich der funktionalen Semantik, im Vordergrund steht dabei die semantische Interpretation der Wortbildungsformantien. Der Autor stützt sich auf die Konzeption der partikularen Komponierung des Inhaltes von sprachlichen Zeichen (vgl. R. Dirnevs „minimal specification view“), welche von unterschiedlichen Forschern vertreten und mit unterschiedlichen Fachbegriffen formuliert wird, die ursprüngliche Idee stammt aus den Arbeiten von O. Espersen.

Der Begriff der Ambisemie wird als ein Mittel zur Beschreibung des Prozesses der semantischen Derivation, also der Realisierung der invarianten sprachlichen Bedeutung im Sprechakt mit der Berücksichtigung des Einflusses von Kontext / Konstitution und der Erscheinung der Inferenz, eingeführt. Ambisemie bedeutet, dass in der sprachlichen Form / Struktur des Zeichens (darunter auch des abgeleiteten Wortes) eine allgemeine semantische Gestalt, ein Schema, kodiert ist, das im Sprechakt einer weiteren Überarbeitung unterzogen und mitunter durch konkrete semantische Elemente aufgefüllt wird. Der Begriff Ambisemie stützt sich somit auf die Sausurische Dichotomie von *langue* und *parole*. Hierbei werden beide Faktoren der Konstruierung (und Rekonstruierung) der Bedeutung berücksichtigt: kompetenzionelle (*langue*) und realisierende (*parole*). Der Autor des Beitrags demontiert die Wirkung des Prinzips der Ambisemie anhand des Wortbildungsmaterials aus slavischen und germanischen Sprachen mit Berücksichtigung des Bedarfs der kontrastiven Linguistik und der lexikographischen Praktik.

Введение

Когда я в детстве, учеником, смотрел на картину И.И. Шишкина «Корабельная роща», я не понимал ее названия. Мне были понятны отдельные слова: *роща* – это вид леса; она чаще всего бывает *березовой*, но также говорят: *зеленая, золотая, соловьиная роща*. Слово *корабельный* тоже было мне знакомо: бывает *корабельный груз, корабельный старшина, корабельная крыса, корабельная пушка*. Одна-

*In: Svetlana Mengel (Hg.). Slavische Wortbildung im Vergleich.
Theoretische und pragmatische Aspekte.
Berlin 2014.*

ко соединить два понятных мне слова в осмысленное сочетание было трудно. Если *корабельная роща* образована по типу *березовая роща*, то это означало бы, что в роще растут корабли. Если же принять, что *корабельная роща* образована по аналогии с сочетанием *корабельная пушка*, тогда возникал образ рощи, растущей на корабле... Ни то, ни другое не имело связи с действительностью, с тем, что я знал о рощах и кораблях. Я догадывался, что в странном словосочетании скрыт какой-то высший смысл, ведомый взрослым, но недоступный в языке. Позже учитель объяснил, что *корабельные рощи* представляют собой выделенные участки лесопосадок, которые начиная в XVIII в. употреблялись в России для кораблестроительных нужд, в частности, для изготовления мачт.

Предмет данной статьи, конечно же, не имеет отношения ни к живописи, ни к кораблестроению, но феномен *корабельной рощи* с точки зрения обсуждаемой здесь лингвистической темы интересен: речь идет о семантической амбивалентности лексических дериватов (в частности, относительных прилагательных), т.е. существовании более одной возможности их семантической интерпретации в речи. В связи с фактами данного рода будет показано, что общим свойством производных единиц, полученных в результате структурной компрессии, является некомпозициональность и семантическая амбивалентность, т.е. множественность семантической интерпретации. Другим важным аспектом решения проблемы значения производных единиц является роль прагматического фактора, а именно – взаимодействие языковой компетенции языкового субъекта с компетенцией другого рода – когнитивной, социокультурной, функциональной (неслучайно в предыдущем абзаце я выделил разрядкой выражение *ведомый взрослым высший смысл*). Для описания этого взаимодействия будет использовано понятие амбисемии, введенное мной в ряде предыдущих публикаций (Киклевич 2007; 2008; 2010; Kiklewicz 2006; 2008)¹.

¹ Термин *амбисемия* был введен В.А. Татариновым для определения свойства терминов «функционировать в языке с разным объемом семантики», «относиться к неопределенному количеству денотатов». Это свойство, согласно Татаринову, «вызывается рядом экстралингвистических факторов», таких как «использование одного термина разными научными школами, разными учеными в разные периоды развития науки». «Амбисемия – это разнообъемная характеристика интенционала термина-понятия, его семантическая аспектация, различающаяся квантитативно и квалитативно» (Татаринов 1996, 168 сл.). В мой концепции амбисемия понимается иначе – как интегративное взаимодействие двух типов семантического содержания

1. Некомпозициональность и семантическая амбивалентность производных единиц

В обычных толковых словарях не возникает потребность описания значений суффиксов, префиксов и других служебных морфем, но мы знаем, как многозначны некоторые служебные слова, например, предлоги. Трудно понять принцип, по которому предлог *за* обозначает и место, и направление, и лицо, и время, и причину, и цель, и многие другие признаки. Так и в словообразовании. Исследователи неоднократно обращали внимание на то, что лексические дериваты, образованные с помощью аффиксальных формантов, многозначны, а их описание в толковых словарях представляет значительную трудность. Так, в словаре Т.Ф. Ефремовой (1996, 294 сл.) отмечаются четыре значения русского суффикса *-ниц*²; в обобщенной форме их можно представить следующим образом:

- (1) мельница <агрегат, выполняющий названное действие [измельчение чего-л.]>
- (2) ключница <лицо женского пола, деятельность которого связана с названным предметом [ключами]>
- (3) мыльница <предмет (емкость), содержащий в себе названный предмет [мыло]>
- (4) дачница <лицо женского пола, в течение какого-л. времени находящееся названном месте [на даче]>

Анализ других дериватов с суффиксом *-ниц* показывает, что можно выделить большее количество таких значений:

- (5) защитница <лицо женского пола, выполняющее названное действие [защищать]>
- (6) банщица <лицо женского пола, которое свою производственную деятельность выполняет в названном помещении [в бане]>
- (7) блокадница <лицо женского пола, ставшее объектом воздействия названного события [блокады]>
- (8) лечебница <место, в котором выполняется названное действие [лечение]>
- (9) второгодница <лицо женского пола, повторяющее учебную программу в течение названного периода времен [второй год]>

знака: с одной стороны, закодированного в системе языка и относящегося к сфере языковой компетенции, с другой стороны, индексального, генерируемого прагматическим контекстом употребления знака.

² В случае суффикса *-иц* зафиксировано еще больше – одиннадцать значений.

(10) власяница <предмет одежды, материалом для которого послужил названный предмет [волосы]> и т.д.

Несмотря на семантическую «специализацию» некоторых единиц, т.е. предпочтение одних частных значений другим и их более высокую частотность в речи, система языка не исключает возможности употребления той же производной единицы в ином значении. С таким явлением мы, например, имеем дело в случае существительного *шоколадница*, которое в словарях обычно трактуется как производное от существительного *шоколадник* (в значении <изготовитель шоколада>). В то же время в русском языке это слово используется и как название известной, хранящейся в Дрезденской художественной галерее картины Ж.Э. Лиотара (немецкое название: *Das Schokoladenmädchen*). Картина изображает служанку, несущую на подносе горячий шоколад. В этом случае имеется в виду <лицо женского пола, изготовляющее (и доставляющее) напиток из названного предмета [шоколада]> – разница с первым значением, хоть и небольшая, есть. На другой (хранящейся в Лондонской художественной галерее) картине того же художника мы также видим *шоколадницу* (английское название картины – *A Lady pouring Chocolate*), но женщина на картине употребляет горячий шоколад. Языковая система позволяет найти для этого слова и другие употребления: *шоколадницей* можно было бы назвать и помещение для хранения шоколада, и посуду, и многое другое, связанное с употреблением шоколада и его признаками³.

Рассматривая производные лексические единицы в аспекте функциональной семантики, Е.С. Кубрякова (1981, 56 ссл.) писала, что производный характер значения дериватов относителен, поскольку содержание, получаемое в результате сочетания производящей основы с деривационным формантом, только отчасти программируется (и, с лингвистической точки зрения, объясняется) значениями структурных элементов производного слова – какая-то часть семантической информации (бóльшая или меньшая, как мы видели на примере *шоколадницы*) всегда остается «за кадром» (см. также: Szumska 1999, 7; Waszakowa 2003, 417)⁴. По мнению Кубряковой

³ В жаргоне существительное *шоколадница* употребляется в значении <задница>; это, по-видимому, объясняется тем, что субстанция, выделяемая организмом через данную часть тела, своим цветом напоминает шоколад.

⁴ На необходимость привлечения энциклопедических знаний о мире при конкретизации значения дериватов (а именно – лексических композитов)

формантная и отсылочная составляющие содержания производного слова «представляют прямую и непосредственную зависимость от смыслового задания речевого акта, т.е. от коммуникативных потребностей и нужд говорящего» (Кубрякова 1981, 16).

Например, хотя морфемная структура производного существительного *дождевик* достаточно проста (*дождь+евик*), однако данная композиция морфем не имеет однозначной семантической интерпретации (см. также: Филиппова 2009, 128): в русском языке это слово встречается 1) как название одежды для защиты от дождя; 2) как название шарообразного гриба (лат. *lycoperdon*) с мякотью внутри, при высыхании превращающейся в темную пыль (отсюда альтернативное название гриба – *пылевик*) – согласно обиходной точке зрения, этот гриб растет в дождливую погоду; 3) как название вида дождевых червей. Этот список, однако, далеко не полный – его можно расширить новыми производными значениями: 4) дождевая/дождевальная машина, дождевой агрегат; 5) непромокаемое покрытие для защиты от дождя бытовой техники, оборудования (*дождевик для коляски*); 6) человек, который любит дождливую погоду и др.

Семантическая амбивалентность свойственна также многим композитам, о чем пишет, например, Х.-Г. Люгер (Lüger 1995, 31 ссл.). Сложное слово *Polenreise* в немецком языке как минимум двузначно: его можно понять и как *путешествие в Польшу* (*Reise nach/in Polen*), и как *путешествие поляков* (*Reise der Polen*). Такого рода дериваты особенно распространены с первым компонентом *-евро*. Например, сложное существительное *еврозима* вовсе не означает <зимнее время года в Европе>. Можно встретить разные значения этого слова: во-первых, <зимнее время года, по температуре напоминающее зиму в Западной Европе (когда температура воздуха не опускается ниже десяти градусов мороза>; во-вторых, <подкладка в сапогах, утепленная только в месте, облегающем стопу – с учетом теплой зимы, какая бывает в Западной Европе>. Прделанный К. Вашаковой анализ более 200 подобных дериватов с компонентом *-euro* в современном польском языке показал огромный разброс значений

пишет В. Павлов (Pavlov 2009, 40). Исследователь обращает внимание на то, что для понимания композитов необходим целый комплекс знаний о референтах их компонентов – формальная реконструкция исходной синтаксической структуры недостаточна. Так, сложное существительное немецкого языка *Wanduhr* ‘настенные часы’ обозначает не просто часы, висящие на стене (это не могут быть, например, повешенные на гвозде ручные часы), а особую категорию часов – элемент интерьера и отчасти предмет мебели.

(Waszakowa 2003, 416 ссл.): если в основе композита *eurodeputowany* (буквально: *евродепутат*) лежит признак [заседать в Европейском парламенте], то композит *euroturystyka* (буквально: *евротуризм*) имеет другую мотивацию: [с участием жителей Западной Европы]. Иное деривационное значение компонента *-euro* содержится в слове *eurowtyczka* (буквально: *евроштитель*): [того же типа, что употребляется в странах Западной Европы]. Особняком стоит композит *eurozłoty* (буквально: *еврозлотый*), в основе которого лежит признак [составляющий альтернативу валюте евро].

Во всех приведенных случаях мы имеем дело с явлением, определяемым в лингвистике как *некомпозициональность* (в другой терминологии – адискретность) языковых выражений. Это – свойство всех дериватов⁵, а по мнению некоторых ученых – всех языковых единиц. Философские основы концепции языковой некомпозициональности были созданы представителями функционального прагматизма (В. Джемсом, В.Н. Волошиновым, Л. Витгенштейном) и, отчасти, представителями бихевиоризма⁶. Джемс, как известно, писал об интенциональном, избирательном характере познавательной деятельности, которая отражается в естественном языке, в частности, в явлениях номинации. С точки зрения Джемса название вещи «более характеризует нас, чем саму вещь»

⁵ Хотя Кубрякова (1981, 17) писала о «расчлененности передаваемого производным словом содержания», в действительности расчлененность эта только частичная, поскольку значение производного слова не сводится к значениям элементов. Сама Кубрякова указывала, что производные слова «не представляет собой простого сложения составляющих его частей» (1981, 60), приводила примеры фразеологизованных, т.е. некомпозициональных, производных слов типа *песчанка*: <1) птица с оперением цвета песка; 2) грызун, водящийся в песчаных степях; 3) морская рыба на песчаном грунте> (1981, 58).

При этом надо иметь в виду, что степень некомпозициональности разных единиц языка, в том числе и производных, варьируется. В случае суффиксальных дериватов, например, относительных прилагательных, она выше, чем в случае префиксальных глаголов типа *подойти, отойти, перейти, взойти*. В случае знаков-реляторов некомпозициональность выше, чем в случае знаков-категоризаторов и модификаторов. О реляторах Кубрякова писала, что они только указывают на «наличие связи между двумя категориями» (1981, 136). На степень некомпозициональности указывает количество контекстно обусловленных семантических вариантов слова (так называемых частных значений).

⁶ См. обзор научных работ, посвященных проблематике социальной обусловленности процессов языковой и речевой номинации: Киклевич 2012; 2013, 201 ссл.

(Джеймс 1981, 15). Идея адискретности, структурной недетерминированности языковых знаков вытекает также из фундаментального положения социологии знания, согласно которому в основе процессов ментальной категоризации опытных данных (как в теоретических построениях, так и в «наивной» семантике естественного языка) лежат реалии «жизненного мира» (Berger, Luckmann 1991, 15 сл.), которые не получают непосредственной манифестации в формах понятийных категорий, но без учета которых их семантическая интерпретация невозможна. В связи с этим становится очевидной значительная роль внешних, экологических (в широком значении этого слова) факторов функционирования знаков. Так, А.Ф. Лосев (1976, 125) выдвинул идею «бесконечной семантической валентности» знака, т.е. зависимости его семантической интерпретации от элементов окружения. Эта идея нашла отражение в понятии «неопределеннозначности», которое ввел В.В. Мартынов (1985; 1995). Контекстно-зависимый характер языковых знаков подчеркивают представители таких разных лингвистических направлений, как коммуникативистика и когнитология. К. Коржик, со ссылкой на Р. Хэрриса, пишет, что языковой знак не свободен от внешних условий своего появления и функционирования (Korzyk 1999, 21)⁷. По мнению известного когнитивиста Р. Дирвена (Dirven 2014), общим свойством выражений естественного языка является *minimal-specification view*, схематичность, структурная недетерминированность языковых знаков, требующая для их семантической интерпретации привлечения экстралингвистической информации.

На эту особенность языка обращают также внимание исследователи словообразования. Д. Шумская (Szumska 1999) собрала и проанализировала огромный материал окказионального употребления относительных прилагательных в иллюстрированных журналах для женщин, ср. некоторые примеры:

- (11) owocowe dłonie (буквально: фруктовые ладони) <ладони, для ухода за которыми используются косметические средства, сделанные на основе концентратов, полученных из фруктов>
- (12) kamienne hobby (буквально: каменное хобби) <хобби, которое состоит в коллекционировании камней>
- (13) wieczorowa długość (буквально: вечерняя длина) <длина верхней одежды (платья, костюма), предназначенной в вечернее время суток в связи с участием в мероприятиях и особыми случаями>

⁷ Подобную идею раньше высказывал В.Н. Волошинов.

(14) *obcasowe oklaski* (буквально: каблучные аплодисменты) <аплодисменты, адресованные артистке за то, что она во время спектакля смогла вытащить застрявший между досками сцены каблук>.

Многочисленные факты подобного рода убеждают нас в том, что понимание языковых выражений не опирается только на языковую компетенцию – дополнительно требуются общие энциклопедические, а нередко и специфические знания, связанные с «реальным жизненным контекстом» отправителя информации (говорящего, пишущего).

Хотя Шумская в резком, критическом тоне пишет о «недееспособности» окказиональных, контекстно-зависимых дериватов (Szumska 1999, 22), следует признать, что в действительности мы имеем дело с регулярным проявлением принципа некомпозициональности. Этот принцип к тому же не является прерогативой аффиксального словообразования – пронизывает всю языковую систему, включая синтаксис⁸ и лексическую семантику (синхронически) непроемных единиц⁹. Например, глагол *гладить* в толковом словаре С.И. Ожегова имеет одно из значений: <легко проводить рукой по чему-н>. Когда мы встречаем это слово (в данном значении) в тексте, например, в романе Людмилы Улицкой:

(15) Потом подмигнул Танечке, погладил по голове Тому — она вся расцвела,

наше понимание значения слова выходит за рамки его словарного толкования: мы понимаем, что к верхней части головы Тани прикасалась не просто рука, а именно ладонь (не тыльная часть руки!), что действие, скорее всего, несколько раз повторялось в направлении от передней части головы к задней. Всей этой информации нет в языковом, системно закодированном значении слова – она появляется в контексте, в речевом употреблении.

⁸ Речь, в первую очередь, идет о конструкциях эллипсиса, например: *Приехала из Виттенберга хотя и довольная, но не совсем здоровая (ноги!)*. Исследователи отмечают возрастание степени неопределенности в русском синтаксисе (Hüttl-Folter 1998).

⁹ Некомпозициональный характер, согласно Р. Барту (Barthes 1957, 222 ссл.), имеют также медийные тексты, которые наполняются идеологическим содержанием благодаря коннотациям, т.е. обращению к общим, схематическим, аксиологически маркированным представлениям, хранящимся в долгосрочной памяти членов сообщества. Эти представления Барт квалифицировал как мифы.

В связи с явлением некомпозициональности следует упомянуть распространившееся убеждение языковедов (сторонников антропологической и когнитивной лингвистики), что языковое значение слова равнозначно выражаемому им энциклопедическому понятию, т.е. всему тому, что представители данного языкового сообщества знают о денотате слова. Вследствие такого подхода лингвистическая семантика превращается в дисциплину, занимающуюся изучением так называемых концептов. Во-первых, для данной теоретической предпосылки нет эмпирических оснований: приведенные выше примеры с очевидностью показывают некомпозициональный, «неопределеннозначный» характер значения морфем, лексем, словосочетаний. Во-вторых, концептоцентризм антропологической лингвистики ошибочен с методологической точки зрения: он противоречит фундаментальному принципу лингвистического анализа – разграничению сфер языка и речи.

2. Семантический инвариант и амбисемия

Как можно было убедиться на проанализированном в предыдущей главе фактическом материале, значительный корпус аффиксальных дериватов (а также словообразовательных формантов) характеризуется многозначностью. При этом надо иметь в виду, что данная многозначность – особого рода. Во-первых, здесь нельзя говорить о полисемии: нет оснований для выделения основного и производного значения (производных значений), ведь все значения форманта, в принципе, имеют – с точки зрения системы языка – одинаковый статус¹⁰. Кроме того трудно было бы найти основание семантической производности, точнее – семантической наследственности, отдельных значений: как, например (в случае суффикса *-ниц*), значение <агрегат, выполняющий названное действие> содержательно связано со значением <лицо женского пола, деятельность которого связана с названным предметом> или со значением <предмет (емкость), содержащий в себе названный предмет>?

Во-вторых, нет возможности трактовать рассматриваемое явление и как омонимию (аффиксов, производных слов), иначе для каждого суффикса нам пришлось бы выделить более десятка омонимов, а также считать, что в сочетаниях типа *корабельная пушка, ко-*

¹⁰ В.А. Карпов (1992, 49) писал, что в системе языка заложены не только возможности реализации нормы, но и возможности образования единиц, которые не укладываются в рамки нормы.

рабельная энергетика, корабельная роца, корабельная верфь и др. употребляется не одно и то же относительное прилагательное, а диспаратные, омонимичные лексические единицы. Безосновательность такой трактовки становится особенно очевидной с учетом факта, что число подобных дериватов не фиксировано – новые формы и новые значения принципиально потенциальны, на что указывают примеры многочисленных неологизмов (неосемантизмов) или, как считают некоторые исследователи, окказионализмов (см. Pavlov 2009, 33)¹¹.

Поэтому содержательное варьирование аффиксальных дериватов целесообразно квалифицировать как семантическую амбивалентность. Она состоит в том, что на уровне системы языка функционирует инвариант значения, т.е. значение в общем, схематическом представлении. Одновременно предполагается существование неопределенного (т.е. открытого) множества семантических вариантов (реальных и потенциальных), обусловленных языковым (синтагматическим) и неязыковым (культурным, ситуативным, коммуникативным) окружением знака.

Тот же принцип функционирования семантики реализуется в сфере так называемых индексальных (анафорических и дейктических) знаков. Так, в содержании местоимения *этот*, с одной стороны, имеется конвенциональная, эндосемантическая информация¹²: <указывает на предмет, находящийся на относительно близком расстоянии от говорящего>. С другой стороны, в каждом конкретном употреблении это слово наполняется более конкретной референтной семантикой:

¹¹ В качестве примера можно привести существительное *болотник*. В русском языке оно обычно употребляется в двух значениях: 1) <мифическое существо, злой дух, живущий в болоте>; 2) <многолетнее травянистое растение из семейства подорожниковых, стелющееся по земле или же полностью или частично погруженное в воду, растущее в болотной местности>. Однако в тексте новостей радио «Свобода» (<http://www.svoboda.org/content/article/25375360.html>; 6 мая 2014) мы встречаем новое употребление этого слова: «*Болотник* Лебедев освобожден условно-досрочно». В данном случае существительное *болотник* образовано от прилагательного *болотный* и обозначает лицо, осужденное по делу о беспорядках на Болотной площади в мае 2012 года. Другие примеры окказионального употребления аффиксальных дериватов см.: Норман 1993а; 1993б; Киклевич 2007, 94 ссл.

¹² Понятия эндо- и экзосемантического элементов значения см. в работе: Kiklewicz 2008.

(16) – Видите, сударь, эту хижину под горою, там живет со мною отец мой (Владимир Измайлов).

(17) Вот у меня в руке карандаш. Я вижу эту линию. Мне нужно просто в точности так же нарисовать (Евгений Гришковец).

В первом предложении «близкое расстояние» предполагает несколько десятков метров (если не больше), а во втором имеется в виду 30–35 сантиметров (стандартное расстояние между глазами и текстом). В связи с этой особенностью индексальных знаков можно привести ставшее афоризмом высказывание из повести Алана Милна «Винни-Пух и все-все-все»: «Я бы в а ю т р а з н ы е !».

Так, как невозможно перечисление всех частных, референтных употреблений анафорических и дейктических местоимений, невозможно и представление в виде списка всех значений производного знака. Этот тезис я высказываю со всей категоричностью, основываясь на исследованиях Д. Шумской, а также на собственном фактическом материале. Конструкции с аффиксальными дериватами, в частности, относительными прилагательными, образуются в результате компрессии протосинтаксических структур разных типов, в том числе и очень сложного характера, когда имеется несколько уровней подчинения разных пропозициональных структур (подробнее об этом см. Киклевич 2014), поэтому исчисление всех возможных типов деривационных историй некомпозициональных выражений возможно только гипотетически.

А.Ф. Лосев писал: «Значение знака есть знак, взятый в свете своего контекста» (1968, 64). При всех достоинствах функционального подхода к описанию языкового значения такую позицию радикального прагматизма и узуализма следует, однако, признать неприемлемой: в языковой памяти, которая имеет ограниченный характер (см.: Иванов 1963; Кубрякова 1981, 59), не удерживаются и в процессе речевой деятельности не перерабатываются все реальные (т.е. отмеченные), а тем более потенциальные семантические варианты. Поэтому в лингвистике последних десятилетий распространилось перспективное направление – исследование семантических инвариантов языковых знаков разного формата.

Идея семантического инварианта привлекательна, но ее практическая реализация связана с трудностями. Собственно, проблема состоит в выборе масштаба, т.е. степени обобщенности инвариантной семантики знака. Различие существующих подходов хорошо видно на примере толковых словарей. Так, относительное прилага-

тельное *лесной* в академическом «Словаре русского языка» (Евгеньева 1983, 176) имеет два значения: 1) <прилагательное к *лес*>, например: *лесная чаща, лесные богатства, лесные насаждения*; 2) <относящийся к лесоводству, связанный с ним>, например: *лесной плуг*. Бросается в глаза, что первое значение фактически не содержит семантической информации – это лишь указание на происхождение формы слова. Что касается выражения *лесной плуг*, то оно могло бы служить примером и для первого значения, ведь ясно, что прилагательное здесь образовано от существительного *лес*.

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1992, 332) отдельной статьи, посвященной прилагательному *лесной*, нет – оно лишь упоминается в статье «Лес». При этом какая-либо дефиниция значения отсутствует.

Принципиально иную позицию заняла Т.Ф. Ефремова, автор «Нового словаря русского языка» (2000, 782), которая отмечает пять значений прилагательного *лесной*: 1) <соотносящийся по значению с существительным *лес*, связанный с ним>; 2) <свойственный лесу, характерный для него>; 3) <находящийся, расположенный в лесу; обитающий, растущий в лесу>; 4) <связанный с лесоводством>; 5) <богатый лесом, лесистый>. Непоследовательность данного описания заключается в том, что первое значение, в принципе, охватывает все остальные. Кроме того очевидно, что спецификация семантических вариантов у Ефремовой неполная: как, например, интерпретировать значение прилагательного в сочетании *лесной запах*? Ведь это – не запах, «обитающий в лесу» и не «богатый лесом». Скорее всего, здесь имеется в виду запах, который испускается, производится лесом, а значит, если принять стратегию регистрации всех частных значений, в словаре надо отдельно отметить и это частное значение относительного прилагательного (а также многие другие).

В функциональной семантике представлены два подхода к описанию инвариантов: сегрегативный и интегративный. Сегрегативный подход заключается в том, что в описании языкового значения учитываются только инвариантные семантические признаки, закодированные в форме и структуре знака, безотносительно к его реализации в речи. Семантический инвариант при этом представляет собой результат как бы математического «вынесения за скобки» той части значений конкретных употреблений языковых единиц, которая является для них общей, а значит, программируется языковой системой.

Так, Б.Ю. Норман, проанализировав разные употребления относительного прилагательного *трикотажный* (*трикотажное белье, трикотажное ателье, трикотажные подробности* и др.), пришел к выводу, что языковое значение данного слова сводится к следующей дефиниции: <имеющий отношение к трикотажу> (1993b, 100). Подобную позицию занимает и М. Банько, автор польского толкового словаря: здесь прилагательное *leśny* ‘лесной’ определяется следующим образом: <такой, который имеет связь с лесом> (Bańko 2000, 759). Такая трактовка значения слова вызывает, однако, сомнения. Норман пишет:

«Толкование прилагательного по типу ‘имеющий отношение к X’ [...] оказывается чрезмерно широким. [...] «Предельно обобщенное значение» оказывается на поверку умозрительной абстракцией, не соответствующей ни одному реальному контексту» (1993b, 101)¹³.

Подобную реакцию в свое время вызвала предложенная Р.О. Jakobsonом концепция инвариантных значений русских падежей. В основе этой концепции лежала идея инвариантов в грамматике. Jakobson ставил

«вопрос о тех свойствах каждой данной морфологической категории, которые остаются неизменными при всех наличных вариациях [независимо] от их появления в той или иной лексической и синтаксической обстановке» (Jakobson 1985, 177).

Результат, однако, разочаровал многих лингвистов, так как описание отдельных падежных значений опиралось на слишком абстрактные признаки: <направленность – ненаправленность>, <объемность – необъемность>, <признаковость – беспризнаковость> и др., поэтому инвариантные значения, как выразился бы Норман, «не соответствовали ни одному реальному контексту». Хотя Jakobson критиковал атомистический подход к описанию падежных значений, ему самому не удалось избежать оторванности общего значения от частных вариантов, ср., например, предложенное Jakobsonом толкование зна-

¹³ Ср. высказывание Кубряковой: «Адекватное определение мотивированной единицы не может быть исчерпано простой отсылкой к мотивирующей единице, т.е. сведено к указанию на наличие отношений между ними. [...] Каждое производное слово имеет собственное значение именно потому, что оно выражает особое отношение к мотивирующему слову. [...] Это свидетельствует о том, что мы каким-то образом должны учитывать не только само наличие связи, но и конкретизируемый производным словом тип этой связи или ее направление» (1981, 13).

чения родительного падежа: <предел участия обозначаемого предмета в содержании высказывания> (1985, 146).

Неудивительно то, что сегрегативный (структурный) подход нередко оборачивается семантическим «выветриванием» слова – ср. примеры семантического «толкования» некоторых относительных прилагательных в «Словаре русского языка» (Евгеньева 1983):

- (18) часовой <прилагательное к часы>
- (19) уездный <прилагательное к уезд>
- (20) тотемный <прилагательное к тотем>

Интегративный подход к описанию семантического инварианта базируется на идее синергического взаимодействия языка и среды, которое осуществляется в процессе речевой деятельности. В связи с этим в структуре значения отражаются не только элементы ментальной категоризации денотата (т.е. сигнификации), но и принцип, по которому сигнификативное содержание дополняется референтной информацией, когда знак в условиях речевой деятельности, с учетом культурной принадлежности, социальной позиции и ментальных (интенциональных) состояний речевого субъекта, соотносится с конкретными референтами. В необходимости объединения, с одной стороны, алгоритмического, номотетического, структурного и, с другой стороны, эмпирического, феноменологического, антропологического подходов к описанию знаков отдавал себе отчет и упомянутый выше Якобсон, который писал: «Любая попытка рассматривать языковые знаки как всецело конвенциональные „произвольные символы“ ведет к неадекватному упрощению вещей» (1985, 323). Поэтому правомерно, вслед за Якобсоном, говорить об индексно-символических знаках, т.е. таких, в содержании которых сочетаются категоризационные и реализационные компоненты¹⁴.

¹⁴ Сущность индексальных знаков состоит в том, что интерпретация значения подразумевает информацию о среде употребления. Так, дым является индексом (или симптомом) пожара при условии, что пожар представляет собой элемент среды/ситуации существования дыма (дым «вытекает» из пожара). Подобная онтологическая коокуренция наблюдается и в случае некомпозиционных языковых знаков: при их интерпретации требуется ссылка на говорящего (на «значение говорящего», согласно Дж. Сёрлу – см. далее) как элемент ситуации употребления знака (производное слово *трикотажный* «вытекает» из ментального тезауруса языкового субъекта). Как выяснилось в ходе дискуссии на конференции в Виттенберге, далеко не каждому легко представить себе дым как знак пожара и прилагательное *трикотажный* в качестве таксонов одной и той же познавательной катего-

Индексно-символический характер особенно присущ производным знакам, полученным в результате синтаксической компрессии. Это касается не только аффиксальных дериватов типа *трикотажный* (см. Норман 1993b, 101 сл.), но и семантических дериватов, возникающих в результате метафорических и метонимических переносов (вспомним общеизвестную дефиницию: «Метафора – это скрытое сравнение»). Именно такой, прагматический подход к описанию метафоры предложил Дж. Сёрл (Searle 1979, 96 ссл.). По его мнению, метафорические слова некомпозициональны: их буквальное значение не вытекает из формы и структуры знака – определенная часть содержания подразумевается говорящим, а значит, интерпретация знака возможна только благодаря апелляции к фоновому значению, хранителем которого является говорящий (к «значению говорящего», по определению Сёрла)¹⁵. Как видим, говорящий как элемент коммуникативной ситуации является полноправным компонентом семиозиса, т.е. отношения между *signans* и *signatum*¹⁶.

рии, но с семиотической точки зрения это действительно так (естественно, с той оговоркой, что относительное прилагательное является индексно-символическим знаком и в его содержании имеется сигнификативный, т.е. понятийный компонент).

Можно встретить мнение, что индексальный характер знака исключает возможность установления его семантического инварианта. Это мнение неверно потому, что в содержании индексальных знаков, по-видимому, всегда имеется некоторый элемент символичности: так, дым считается симптомом/индексом огня/пожара независимо от того, горит ли продуктовый ларек или президентский дворец. Содержание индексов, например, указательных местоимений, отчасти инвариантно, что дает возможность их описания в толковых словарях.

Кубрякова (1981, 67) справедливо писала о «неравнозначности значения композита и соответствующего ему суждения». Эта неравнозначность как раз и объясняется тем, что производное слово содержит индексную семантику, а именно – зависимость от говорящего, который знает, какая часть передаваемого содержания не нашла отражения в форме и структуре производного слова.

¹⁵ Ментальный лексикон говорящего как составной элемент лексического значения учитывает Х. Патнэм: одним из четырех компонентов значения, по его мнению, является семантический стереотип как общепринятое представление о референте знака (см. Putnam 1998, 181 ссл.).

¹⁶ Кубрякова писала, что в случае производных слов «невывраженность значения моделируется» (1981, 58). С этим трудно согласиться, так как «значение говорящего» обусловлено огромным количеством коммуникативных факторов, иногда совершенно случайных – не представляется возможным подвергнуть их какому-либо исчислению. Ведь сама Кубрякова

Введенное мной для объяснения динамической природы производных знаков понятие амбисемии (Киклевич 2007, 150 сл.; Kiklewicz 2008) означает принцип конфигурации двух элементов значения единицы в системе языка: номинативного, выраженного в форме и структуре знака, и интерпретативного, указывающего на фоновые знания речевого субъекта. Номинативное значение имеет объективный, категорематический характер, т.е. базируется на буквальном, композиционном содержании данной языковой формы; кроме того оно имеет базовый, ассертивный статус и обрабатывается с использованием языковой компетенции. Интерпретативное значение имеет субъективный характер, т.е. указывает на ментальную установку речевого субъекта; оно не затрагивается операцией отрицания, т.е. в структуре значения имеет статус presupпозиции. Обработка интерпретативного значения (хотя как элемент семантического инварианта оно само по себе относится к сфере языковой системы) требует иного рода компетенции – познавательной, социокультурной, а во многих случаях – креативного подхода к реконструкции исходной семантической структуры, лежащей в основе производного номината. Благодаря интерпретативному компоненту в процессах речевой деятельности осуществляется и н-ференция, т.е. привлечение для семантической интерпретации языковых сообщений информации, обусловленной интенциональными состояниями речевого субъекта, т.е. тем, что он знает, помнит, наблюдает.

Содержание относительных местоимений (с учетом их функциональной характеристики: присубстантивной позиции в составе именных словосочетаний) в общем виде можно представить так:

S+формант

утверждала, что понимание производного слова требует «знания исходного слова, а главное – стоящего за ним фрагмента действительности» (там же). По ее мнению, «[...] человек знает, какие отношения могут стоять за двумя названными вещами» (1981, 79). Ср. также верное высказывание исследовательницы: «Сложное слово всегда постулирует наличие связи между обозначенными сущностями [...] а о характере связи судят, опираясь на знание естественной логики вещей. [...] В этом смысле сложное слово служит не столько называнию связи, сколько возбуждению представления о ее существовании» (1981, 64).

1. НОМИНАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ [ассерция]: характеристика предмета¹⁷ по его отношению к S¹⁸;
2. ИНТЕРПРЕТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ [пресуппозиция]: подразумевается общепринятое отношение предмета к S (и говорящий, и слушающий знают об отношении предмета к S) или же имеется в виду отношение предмета к S, о котором говорящий (всегда) знает, (с некоторого времени) помнит, (в данный момент) видит, слышит и т.д.

Действие данной модели можно показать на примере прилагательного *корабельный*, с которого я начал статью. Общее, системное, номинативное значение этого слова во всех его употреблениях одинаково: <характеристика предмета по его отношению к кораблю>. Интерпретативный компонент, поскольку он относится к содержанию семантического инварианта, также во всех употреблениях будет неизменным: <подразумевается соответствующее отношение предмета к кораблю>. Однако в зависимости от содержания коллокации и коммуникативного контекста интерпретативное значение будет конкретизировано тем или иным образом. Например, в сочетании *корабельная пушка* подразумевается факт установления на боевых кораблях артиллерийского оружия, предназначенного для его применения для стрельбы по береговым, морским и воздушным целям. Понимание сочетания *корабельная роца* требует от речевого субъекта более специфической информации, касающейся технологического процесса изготовления кораблей и используемых при этом материалов.

Из проведенных наблюдений можно сделать общий вывод: аффиксальная деривация, представляя собой отдельную область языковой номинации, в то же время является частью общей системы языка, поэтому семантическая интерпретация формантов и производных лексем подчиняется общим законам, таким, как инвариантность, некомпозициональность, функциональность, «минимальная самодостаточность» (Шелякин 2002, 111 ссл.). Словообразование по

¹⁷ Предмет здесь понимается широко – как предмет мысли (подобно тому, как понимается аргумент в логике предикатов); имеется в виду и вещь (*лесной мох*), и лицо (*лесной комиссар*), и событие (*лесной пожар*), и сфера деятельности (*лесная промышленность*) и т.д.

¹⁸ В связи с этим следует упомянуть «отсылочную семантику», о которой писала Е.С. Кубрякова (1981, 16): для понимания производного слова, по ее мнению, надо знать значение производящего, что составляет элемент языковой компетенции.

своей сущности амбивалентно: с одной стороны, оно служит упрощению номинативной системы, в какой-то степени – автоматизации речевого поведения (см. Кубрякова 1981, 14), хотя с другой стороны, предполагает активную познавательную и мыслительную деятельность речевых субъектов, представляет собой область интеллектуальной и языковой креативности.

Литература

- Джемс 1981: В. Джемс, Мышление. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухов, Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. Москва, 11-20.
- Евгеньева 1983: А.П. Евгеньева, Словарь русского языка. Т. 2: К-О. Москва.
- Ефремова 1996: Т.Ф. Ефремова, Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. Москва.
- Ефремова 2000: Т.Ф. Ефремова, Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва.
- Иванов 1963: В.Вс. Иванов, Некоторые проблемы современной лингвистики. Народы Азии и Африки. IV, 156-178.
- Карпов 1992: В.А. Карпов, Язык как система. Минск.
- Киклевич 2007: А. Киклевич, Притяжение языка. Т. 1. Семантика. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика. Olsztyn.
- Киклевич 2008: А. Киклевич, Семантическое варьирование, семантический инвариант и амбисемия (на материале русского языка). *Slavia Orientalis*. LVII/1, 131-145.
- Киклевич 2010: А. Киклевич, Семантическое варьирование, семантический инвариант и амбисемия (на материале русского языка). *Wiener Slawistischer Almanach*. 64, 247-264.
- Киклевич 2012: А. Киклевич, О социально-культурном факторе функциональной семантики: проблемы речевой номинации. *Slavia Orientalis*. 2012, LXI/3, 339-361.
- Киклевич 2013: А. Киклевич, Ветка вишни. Статьи по лингвистике. Olsztyn.
- Киклевич 2014: А. Киклевич, Аффиксальная деривация и синтаксическая компрессия [в печати].
- Кубрякова 1981: Е.С. Кубрякова, Типы языковых значений. Семантика производного слова. Москва.

- Лосев 1968: А.Ф. Лосев, Введение в общую теорию языковых моделей. Москва.
- Лосев 1976: А.Ф. Лосев, Проблема символа и реалистическое искусство. Москва.
- Мартынов 1985: В.В. Мартынов, Функциональная грамматика и категории языка. В.Н. Ярцева (ред.), Проблемы функциональной грамматики. Москва, 155-161.
- Мартынов 1995: В.В. Мартынов, Принципы объективной семантической классификации. В.В. Мартынов (ред.), Реализационный аспект функционирования языка. Минск, 83-91.
- Норман 1993a: Б.Ю. Норман, Апология поверхностного синтаксиса. *Russistik*. 2, 6-14.
- Норман 1993b: Б.Ю. Норман, Между лексикой и синтаксисом (к семантике относительных прилагательных). Н. Делева (ред.), Сборник от научных трудов, посвящен на семидесятилетие профессора Мирослав Янакиев. София, 98-109.
- Ожегов, Шведова 1992: С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, Толковый словарь русского языка. Москва.
- Татаринов 1996: В.А. Татаринов, Теория терминоведения. Т. 1. Теория термина: история и современное состояние. Москва.
- Филиппова 2009: Л.С. Филиппова, Современный русский язык. Морфемика. Словообразование. Москва.
- Шелякин 2002: М.А. Шелякин, Человек и язык. К проблеме мотивированности языковой системы. Тарту.
- Якобсон 1985: Р.О. Якобсон, Избранные работы. Москва.
- Bańko 2000: M. Bańko, *Inny słownik języka polskiego*. Warszawa.
- Barthes 1957: R.Barthes, *Mythologies*. Paris.
- Berger, Luckmann 1991: P.L. Berger, Thomas Luckmann, *The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge*. New York.
- Dirven 2014: R. Dirven, *The Metaphoric in Recent Cognitive Approaches to English Phrasal Verbs*.
www.metaphorik.de/sites/www.metaphorik.de/files/journal-pdf/01_2001_dirven.pdf [15 V 2014].
- Hüttl-Folter 1998: G. Hüttl-Folter, О тенденции к неопределенности в русском синтаксисе. М.Я. Гловинская (ред.), *Лики языка: к 45-летию научной деятельности Е.А. Земской*, Москва, 394-401.
- Lüger 1995: H.-H. Lüger, *Pressesprache*. Tübingen.
- Kiklewicz 2006: A. Kiklewicz, *Dyfuzja semantyczna w języku i tekście (I)*. *LingVaria*. I/1, 11-21.

- Kiklewicz 2008: A. Kiklewicz, Ambisemia jako kategoria semantyki funkcjonalnej. *Biuletyn PTJ*. LXIV, 63-76.
- Korzyk 1999: K. Korzyk, Język i gramatyka w perspektywie „komunikatywizmu”. A. Awdiejew (red.), *Gramatyka komunikacyjna*. Warszawa - Kraków, 9-32.
- Pavlov 2009: V. Pavlov, *Deutsche Wortbildung im Spannungsfeld zwischen Lexikon und Syntax. Synchronie und Diachronie*. Frankfurt am Main - Berlin - Bern etc.
- Putnam 1998: H. Putnam, *Wiele twarzy realizmu i inne eseje*. Warszawa.
- Szumaska 1999: D. Szumaska, Niebezpieczne związki, czyli meandry adiektywizacji. A. Kiklewicz (red.), *Паланістыка – Полоністыка – Polonistyka 1999*. Мінск, 4-28.
- Searle 1979: J. Searle, *Metaphor*. A. Ortony (ed.), *Metaphor and Thought*. London - New York - Melbourne, 92-123.
- Waszkaowa 2003: K. Waszakowa, Kognitywne aspekty tworzenia nowych derywatów słowotwórczych (na przykładzie języka polskiego). I. Ohnheiser (red.), *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Słowotwórstwo. Nominacja*. Opole, 410-435.